

— Уповаем на цену леса. Она увеличилась в 100 раз. Кубометр стоил шесть рублей — теперь 600. Директор именно на это надеется, а я считаю, что одним увеличением цен ничего не добьются. С одной стороны, конечно, добились зарплату. Наш директор, например, получил в декабрь две тысячи рублей: для лесников сумма неслыханная, раньше две тысячи получали за год. Но с другой стороны, такая цена на древесину породила кучу проблем. Сохнет наш лес под трубами «Хромника», СУМЗа, Новотрубного, надо через каждые три года проводить так называемые рубки ухода. Если не вырубать сухие деревья, они падают, заводятся короеды, и это приносит еще больше вреда. Надо рубить, а сил у лесхоза, конечно, не хватает. Раньше за шесть-десять рублей кубометр таких деревьев продавали на корню частнику: он сам аккуратно срубил и вывезет. Сейчас, боюсь, рубки ухода будут плохо проводиться, кому охота за 600 рублей самому рубить. Много будет «звонких» порубок...

— Вообще, если в нашу кухню влезать непосвященному, он только руками разведет. 70 лет лесное хозяйство в страшном згоне у государства, технику выделяют в последнюю очередь, бензин не дают даже на посадку. Понимаете, землю для посадки деревьев надо готовить с осени, но в это время уборочная в совхозе, весь бензин — туда, для сельхозтехники. Проходит сентябрь, октябрь, мы все сроки упустили, земля замерзла, нам в ноябре дают на трактора бензин.

Все государство одним днем жило, на будущее не загадывало. Зерно один сезон расгет, результат усилий виден сразу — вот о нем в первую очередь заботятся. А лес — он сто лет растет, можно годик и подождать. И этот годик с 1917 года тянется. Гражданская, раскулачивание, война, восстановление заводов — все не до леса. Если бы мы в 17-ом году дерево посадили, ему бы сейчас уже больше 70 лет было, оно бы уже пользу принесло. Так мы этого дерева не посадили...

— Что же держит людей в лесничестве? На маленькой зарплате, с массой трудностей?

Когда началась перестройка, нужно было любыми путями сохранить золотой наш фонд, знающих лесников и рабочих. Коллектив у нас небольшой, на 70 процентов с высшим образованием, да еще если кто года три проработает — ценность многократно увеличивается — памятью своего участка леса.

Так вот, сначала мы пытались вести зрелый подряд, бригадный подряд. Раньше-то наша бюджетная организация ничего не могла, из министерства отпускали деньги — сколько на зарплату, сколько на технику. Мы же хотели самостоятельности, верили в нее. В Москве тогда зашевелились, часто встреча устраивали, сборы, учебы. Мы чего-то рассчитывали, планировали. По чем больше я во всем этом участвовал, тем больше понимал, что мы никому не нужны. Все министерство ведет сытую, размеренную жизнь, повязаны круговой порукой, полродни рассоедано по нужным местам. 3—4 года мы надеялись — и все развалилось. Осталось только неприятное чувство, что нас опять одурачили. И все-таки, благодаря нашим начинаниям, рабочие, ИТР не

Люди свойственно залавать подчас вопросы, ответа на которые не требуется, ибо ответ понятен или его нет совсем. Совершенно риторическим мне показался и такой вопрос к самой себе: «Если в нынешней ситуации готовы закричать «караул!» заводы-монополисты, то каково приходится предприятиям, ничего не производящим, таким как лесничество, к примеру? Ответ ясен: им приходится так туго, что уже можно не волноваться.

И все-таки, как же они живут? Мой вопрос главному лесничему Первоуральского лесничества Владимиру Борисовичу ГАВЕЛЬКО.

В. Б. Гавелько: В 17-ом ГОДУ МЫ ТОГО ДЕРЕВА НЕ ПОСАДИЛИ

падали духом до 1990 года. В 90 году нам начали, наконец, платить зарплату, а не копейки, ушел на пенсию министр. И к нашей радости, назначили молодого, дельного хозяйственника из Челябинска. Мы радовались, как дети, когда повысили цену на древесину «на корню». Но пошла цепочка повышений цен на технику, бензин, электроэнергию... и не смогли, как хотели, свой бюджет пополнить. Чтобы сводить концы с концами, у лесхоза есть пилорама. Раньше штрафовали за захламленные участки, за самовольную вырубку — деньги шли в город. Сейчас положение изменилось — появилась заинтересованность у лесников штрафовать. На эти деньги можно хоть бензин лишний купить, премию леснику дать. Потихоньку и другие деньги появились — отводим землю под коллективные сады, за лес в этом случае берем около трех с половиной тысяч за гектар. Благодаря этим деньгам можем новый лес посадить, хоть за Починком. Раньше все забирали. Сколько лет мы бились, чтобы предприятия, которым деланки отводят, лес сажали! Вырубил 100 гектаров — посади столько же. Ня одна организация этого не делала.

А вообще, неправильная это политика! Дворянские

лесники как делали? Не рубили сплошняком: 20 метров вырубят — 20 оставят, происходит естественное обсеменение, лес на вырубках сам растет. По этой царской системе лесного хозяйства сейчас работают финны, шведы, норвежцы. А у нас рубят деланками, а потом на вырубках вместо сосняка березы да осины поднимаются, тратим бешеные деньги на восстановление. Надо заставить леспрохозы проводить выборочные рубки. Существует масса методик...

— В леспрохозе на каждую тысячу кубометров леса полагается определенное количество машин, бензина, троса и т. д., и т. д. А лесхозам не отпускается ничего. Главное, никто и не интересуется, где лесхозы все это берут для посадки. Привыкли, что лесничество выкручивается тем, что оно может отдать деланку, лишние кубометры, за это что-то получить. Так что практически из ничего делаем древесину. А Рыжовы-Павловы аллодируют... Получается, лесники — самые подкованные бизнесмены, они работали на бартере тогда, когда все об этом в не слыхивали. Надеяться привыкли только на себя...

— Я в лесхозе белая ворона — болтуны, выступаю, в депутаты вон пробился. Это мужиков удивляет. В лесу складывается немного

другой тип человека: неразговорчивые, трудно сходятся с людьми. Бригады лесорубов, например, в большом трудом берут нового человека. Конечно, все они пьяницы, матерщинники, иногда и прогуляют, но за одного человека я не поручусь, но зато если вышел на работу — золотой специалист, каждый по 15—20 лет проработал. Обвинцев, Пазникова, Барнев.

Помню, случай был: приезжал к нам корреспондент «Лесной газеты». Поехали с лесорубами в лес. Тут корреспондент попытаться стал: как они определяют, какое дерево оставить, а какое рубить? Так Пазников ему целый спектакль разыграл: корреспондент никак не мог правильно указать из двух деревьев, какое рубить, а какое оставить. Потом даже восхитился цепкому взгляду лесоруба!

Но есть у нас святые работы: весенняя посадка. Бывает, уйдет человек на пенсию — говорит, что в гробу он видел этот лес, больше — ни ногой. А проходит месяц-другой, и возвращается.

Садим за 100 километров от дома, едем на 15—20 дней, еду достать невозможно, повара нанять — денег у лесхоза нет на лишнего человека, тушенку — и ту не достанешь. Никакой избушки для рабочих нет — временные навесы. Орудие труда — «меч Колесова», изобретение прошлого века — узкая, тяжелая, килограмма три, лопата, которой делается отверстие, чтобы сосну или елочку посадить.

И все-таки едут на посадку с нетерпением: пробуждается природа, косачи токуют — лицами люди светлеют. Особенно интересно, когда приезжаем на места, где лет 10 назад садили. Сразу: а помните, вон там зайц пробежал, а тут Ванька напился, а там... А лесники! Они такие посадки своими считают — при них садили. Лесник помнит, как посадки погибли, как подсаживали оновы, как горели, росли... Наступит sentimentalный момент: ох как вспоминают! Зато в конце работ — злущие, всего не хватает, еды мало. Ругают дороги, директора, министра. Я в такие минуты стараюсь уж ничем людей не обидеть — ни словом, ни замечанием.

— Сложная наша работа. Но если бы только посадки или тяжба с леспрохозом о захламленных участках. Больше неприятностей нам доставляют люди. Как лето — мастера, лесники не вылезают с пожаров. Четыре-пять групп по три человека до ночи гончат с одного пожара на другой. Часто трактора не загонишь, ущерба больше будет, чем от огня, вот и мечешься весь день с ранцевым опрыскивателем (это просто резиновый мешок со шлангом) да верной подрутой — лопатой. Окопав люди один пожар, в красном уголке стулья составляют, упали — и спят. Чумазые, в саже. На новый пожар невозможно подняться. Бывает, приезжаешь тушить пожар, а в 20 метрах пикник, водку пьют, костер пылает. Составишь акт на 50 рублей штрафа, а он еще мстить начнет. На «Бодрости» в прошлом году 20 пожаров в разных местах было. Я однажды не выдержал, озерел, кинулся на людей, которые по соседству с пожаром целый пионерский костер развели. Они понять не могли, что случилось.

— Много еще проблем, всего не расскажешь.

Записала
Е. КАПУСТИНА.